

Вставка в книге Джаспер Ффорде «Око Золтара», со стр. 125. Красным выделен текст который есть в бумажной книге. Черным – пропавший при верстке фрагмент

Эдди все объясняет

Мы ехали на север по главной трассе Империи. Я была за рулем, «Рука Помощи™» посильно облегчала мне задачу, вращая тяжеленную баранку вместо меня. Перкинс расположился на пассажирском сиденье, Эдди – между нами, принцесса – на заднем. Мы мчались мимо роц, где выращивали миндальные деревья, из которых потом гнали очищенный «Марцолеум» – вязкое, как сироп, масло, которое где только не использовалось: и в производствах глазури, и крема для загара, и шпатлевки, и авиационного бензина. Кертис со товарищи сначала устроились в кузове – они с чего-то решили, что настоящие крутые мужики раскатывают в кузовах, – но пыль столбом, дорожный мусор и мухи лезли в глаза и рот, и ребята со слезящимися глазами и раздраженными глотками скрепя сердце расселись на заднем сиденье.

Я оглянулась, убедилась, что они нас не подслушивают, и спросила у Эдди:

– Почему ты так настаивала, чтобы мы взяли с собой этих тусовщиков?

– Простая арифметика. Эти трое составят нам пятидесятипроцентную смертность.

Мне стало не по себе.

– Как-то жутко это звучит.

– Тогда перефразирую: вы вернетесь домой целыми и невредимыми, а Кертис и его горе-приятели встретят свою смерть здесь. Разве не здорово?

– Нет, – ответила я. – Каждая жизнь имеет значение, и их тоже.

– А я вот не уверена, – подала голос принцесса, которая прислушивалась к нашему разговору. – Ну, не вернутся домой – мир-то от этого не изменится. Их родные погорюют немножко, но переживут же, наверное. Они ведь в Кембрию приехали, должны были понимать, что есть как минимум *вероятность* трагического исхода.

– Ясно, что никакая ты не служанка, – заметила наблюдательная девочка, – потому что обслуживающий персонал так себя не ведет, но мы друг друга поняли.

– Ну а я – нет, – ответила я. – Я отказываюсь считать этих ребят пушечным мясом.

– Они знали, на что шли, – сказала Эдди. – Вы тоже с самого начала знали про пятьдесят процентов. И вы согласились. Поздно разводить канитель по этому поводу.

– Мы согласились нести ответственность за *себя*, – сказала я, – не за чужих людей.

– Так ничего не изменилось. – Эдди пожала плечами. – Гарантировать я могу только пятьдесят процентов. Я не решаю, кто выживет, а кто погибнет.

Несмотря на чудаковатую логику, резон в ее словах все-таки был. Мы смолкли.

– Много туристов ты потеряла? – спросил Перкинс.

– Сотни, – не моргнув глазом отвечала Эдди. – Я первое время вела счет, но в какой-то момент их стало

слишком много. Ты навсегда запоминаешь самого первого, самого юного, самого хорошего, но все остальные со временем сливаются в одно пятно.

– Минуточку, – снова встряла принцесса. – Я, Дженнифер, Пиркинс, ты, Игнатиус, Ральф и Кертис – это семь человек. Если ты рассчитываешь на пятьдесят процентов ровно, то что это получается?

– Подберем кого-нибудь по дороге, – сказала Эдди. – Мы всегда так делаем. Все разрулится само собой, вот увидите. Это мой дар.

– Не поверю, пока не увижу собственными глазами, – сказала принцесса. – А что это там впереди?

Я присмотрелась. На дороге впереди кто-то написал большими буквами: «ПРОСТИТЕ».

– Всем пригнуться! – вскричала Эдди. Мы пригнулись. Броневик был оборудован широким пуленепробиваемым забралом, которое опускалось на ветровое стекло в случае атаки. Эдди потянулась, сняла забрало с крючка, и оно с лязгом накрыло стекло, оставив лишь узкую щель, в которую было видно дорогу. Пару секунд спустя в бронированные щитки врезалась первая пуля, а за ней последовали и вторая, и третья.

– Не останавливайся, – приказала Эдди.

Я не смела послушаться. Воздух вдруг погустел от треска пулеметных очередей и металлического цоканья пуль, отскакивающих от панциря.

– План такой, – сказала Эдди невозмутимо, будто мы попали под обычный град, а не под обстрел. – Сейчас въезжаем в Пустую Четвертину, заночуем у Клаеруэнского водохранилища на висячих бобах. Завтра к обеду дойдем до Ллангерига, вы встретитесь

со своим знакомым. Переночуем в городе, а утром двинем в горы, в земли Силуров, через них доберемся до подножия Кадер Идрис. Покорим ее отвесные склоны и будем искать Кладбище Левиафанов, пока вы не махнете на эту затею рукой – а вы махнете, потому что нет никакого Кладбища – и мы вернемся обратно.

– Отличный план, – одобрила я, – только наш маршрут во многом зависит от того, как пройдет встреча с нашим ллангеригским другом – я без лишней необходимости никакие склоны покорять не хочу.

Сказать, что я не горела желанием лезть в горы – ничего не сказать. Кадер Идрис славилась не только своей ослепительной красотой – самая высокая вершина в Кембрийской гряде, шеститысячфутовая остроконечная каменная глыба словно бы взмывала до самого поднебесья – но и количеством людей, сгинувших на этих склонах. Несмотря на регулярные альпинистские вылазки, никому из наших современников не удавалось достичь ее вершины – а если кто и достигал, то не вернулся. Я готова рисковать жизнью за шанс найти Око Золтара, но никак иначе.

– Не дрейфь, – сказала Эдди, принимая мое молчание за нервы. – На Кадер Идрис будет круто.

– Ты там уже бывала?

– Не-а. Потому-то и будет круто.

Мы ехали своей дорогой, выстрелы становились все реже, а через минуту стихли окончательно. Эдди дала нам знак, и мы высунулись из-под бронированного панциря.

– Что это было? – спросил Перкинс.

– Ты о чем?

– Обстрел!

– Ах, это. Я не в курсе. Какой-нибудь местный вояка, которому не понравилось, что короткую дорогу построили в объезд его деревни. Она втрое экономит время пути и разгружает транспортный поток, но в то же время он не может вытягивать деньги с туристов, вот и палит по проезжающим машинам. Пустяки, в общем.

– Ничего себе пустяки, – сказал Перкинс. – А если у человека нет брони на машине?

– Она у всех есть, – заверила Эдди. – На следующем повороте налево, и еще двадцать миль без остановок.

Броневик тарыхтел и полз черепашьям ходом, да я и не старалась выжимать из него максимум, рассудив, что лучше побережь топливо – и наши барабанные перепонки. Мы коротали время, любясь фантастическими пейзажами за окном. Природа здесь была практически девственно чиста. Никаких тебе рекламных щитов, высоковольтных столбов и прочих маркеров современности. Здесь даже торговых центров и ресторанов фаст-фуда было по минимуму. За миндальными рощами начиналась низина, сплошь покрытая широколиственными лесами и раскиданными врассыпную маленькими каменными домиками с разнообразными укреплениями вокруг и клепанными железом крышами.

– Что такое «сомнабуворус»? – спросила принцесса, читая «Как насладиться очарованием Кембрийской Империи и не умереть».

– На вид нечто среднее между баобабом и редиской, – ответила Эдди, – а размером с телефонную будку. Только это никакое не растение, а плесень, которая

выпускает в воздух облачка галлюциногенных спор. Тот, кто их вдыхает, приобретает твердую уверенность в том, что, если приблизиться к сомнабуворусу, существо порадует их пронзительно едким актуальным комментарием на политические и социальные темы. А потом, конечно, человека накроет чувством вялости и апатии, и он уснет глубоким сном.

– С тем же успехом можно применять французский кинематограф в качестве оружия массового поражения, – заметила я.

– Оно-то, конечно, только корни французского кинематографа не выделяют секретий, которые разъедают жертву до основания, пока она спит.

– Фе, – сказала принцесса и вернулась к чтению.

Одна мысль не давала мне покоя.

– Тогда, перед нашим отправлением... Почему военные подбили Кол... дракона?

– А тут очень простая история, – сказала Эдди. – Наш император принципиально не приемлет попыток человечества побороть гравитацию, вот он и запретил все передвижения по воздуху в границах его Империи. Но желая проявить справедливость и равноправие, он счел, что будет нечестно, если птицы, летучие мыши, насекомые и прочая живность будут спокойно летать, когда это запрещено делать человеку. Так что крылатых он тоже запретил.

– И драконов?

– Ага. Но фишка в том, что император Тарв происходит из древней династии деспотичных безумцев. А какая величайшая сложность при наследовании престола от предыдущего деспотичного безумца? А продемонстрировать, что безумен хотя бы

на уровне своего предшественника, а лучше – больше. Так что когда престол перешел к Тарву, он объявил, что хочет легион дрессированных слонов-убийц и поработить весь остальной Уэльс.

– Что-то такое про слонов-убийц я слышала.

– Ну вот, лишь бы шашками помахать. Слоны, во-первых, так себе буйные убийцы, у них же от природы добрый нрав, а во-вторых, эта затея не ужилась с «Пактом о приостановлении разведения слонов-убийц». И Тарв вместо разведения слонов взял и запретил полеты. Прыжки в высоту и с шестом, кстати, тоже. Ходули, скакалочка – все вне закона. У нас даже на прыжки со стульев и столов косо смотрят.

– Но это же бред, – сказал Перкинс. – Не хочешь же ты сказать, что гуси, голуби, пчелы, летучие мыши, драконы в Империи не могут летать?

– Я именно это и *говорю*.

– И как же он заставит их подчиниться?

Эдди пожала плечами.

– Заставить их он, понятно, не может, разве что...

– Разве что – что?

– Вот вы как приехали, видели, чтобы в нашем небе кто-нибудь летал?

Я посмотрела по сторонам, припоминая. Действительно, кажется, не видела, но даже не задумалась об этом, пока Эдди не обратила на это мое внимание.

– То-то и оно, – сказала Эдди. – Странно, правда? У нас богатейший животный мир – но не видать ни одной крылатой твари.

Мы притихли, размышляя над ее словами.

Перкинс показал на две фуры, водители которых остановились посреди дороги, чтобы перекинуться парой слов.

– Если самолеты у вас запрещены... что *они* тут забыли?

На обеих фурах красовался светло-голубой логотип авиакомпании «Скайбус Аэронавтик». Пока мы глазели на эту картину, машины тронулись с места, и одна, тяжело скрежеща колесами, покатила в глубь Империи, а вторая, быстро набирая скорость, умчала в противоположном направлении.

– Самолетные запчасти, – сказала Эдди. – Император хоть и противник полетов, но на нашей территории все же стоит завод по их производству.

– Какая-то противоречивая политика.

Эдди пожала плечами.

– Может, и так. Может, он и безумец, зато правитель нормальный. Вот у вас есть в стране бесплатное здравоохранение и детские соцпакеты?

– Нет.

– А у нас есть. И пускай в Кембрийской Империи самая низкая средняя продолжительность жизни среди Королевств – а то ведь сами понимаете, междоусобные войны, экстремальный туризм, – но мы хотя бы можем прожить наши недолгие жизни так, как заблагорассудится: интересно, весело и с приключениями. И вот что бы вы предпочли? Короткую жизнь в роли тигра или долгую – в роли зайца? Я за тигра.

Я немного подумала и ответила:

– Я, пожалуй, тоже. Только все-таки я считаю, что все должны иметь возможность *выбирать*, быть им тигром или зайцем, или кем-нибудь посерединке.

Плотоядные слизи

Мы остановились пообедать в одной из придорожных кафешек, которыми было усыпано все шоссе. Каждая такая забегаловка по единодушному согласию всех кембрийцев являлась нейтральной территорией, куда даже вражеские генералы могли заскочить на чашечку чая со смородиновой булочкой, не опасаясь, что кто-нибудь всадит им кинжал в спину.

Еда была отменная, простая и вкусная, но удовольствие от обеда было испорчено свинским поведением Кертиса и Игнатиуса. Они галдели и развлекались тем, что кидали друг в друга едой – короче, вели себя как последние придурки. Перед уходом мы за них извинились, на что нам дружелюбно ответили, мол, «энергичную молодежь» тут кое-как терпят, но если они еще хоть раз сюда заявятся, Кертиса и Игнатиуса «завяжут в мешок и избьют палками».

Вскоре мы снова были в пути.

– Всем привет, – сказал Игнатиус, перебираясь на переднее сиденье броневика, чтобы было удобнее с нами разговаривать.

– Ничего не хочу от тебя слышать, кроме извинений, – бросила я.

– Да всего-то небольшая драка едой, – хмыкул он. – И дракой-то не назовешь.

– Чего тебе надо?

– Там впереди будет слизневая ферма. – Он ткнул пальцем на страницу «Десяти животных Кембрийской Империи, которым лучше не попадаться». – Я подумал, может, заскочим, оглядимся.

Я вопросительно посмотрела на Эдди, и та кивнула.

– Довольно милые твари, – объяснила она. – Если ты ничего не имеешь против слизи. Может, нам еще повезет, и они его слопают!

– Ой, да ладно вам. – Игнатиус улыбнулся. – Не такое уж я и наказание.

Эдди смерила его взглядом, утверждавшим обратное, и Игнатиус с застенчивой улыбкой вернулся к своим приятелям на заднее сиденье. На ближайшей развилке мы свернули направо и припарковались на пыльной автостоянке рядом с полудюжиной бронированных туристических автобусов. Эдди разрешила нам идти без нее, заверив, что уже с лихвой насмотрелась на плотоядных слизней. Ральф тоже отказался, сославшись на диковинную аллергию на «животных без лап, типа котов».

– У котов есть лапы, – сказала принцесса.

– А-а... ну да, – отозвался Ральф сконфуженно, но все равно предпочел остаться в машине. И вот мы с Перкинсом, принцессой, Кертисом и Игнатиусом попали на ферму.

Заплатив за вход, мы гуляли среди цилиндрических бетонных бассейнов, в каждом из которых содержалось по дюжине слизней. Они были размером с кабачок, цвета жирных сливок, их туловища были исполосованы канавками и покрыты гелеобразной слизью, от которой разило трупной вонью. Глаз у них не было, изо рта виднелись бритвенно-острые клычки,

а поверх мелких голов у них торчал пучок неравномерных разнофункциональных антенн, которые взбудораженно дергались, когда мы проходили мимо. Слизни, мягко говоря, были омерзительны. Если какое животное и заслуживало подписи «избегать любой ценой», то в первую очередь плотоядные слизни.

– Иу, – сказала принцесса. – Гадость какая.

– Вот это пока единственный утвержденный дизайн для салфетки, – воодушевился Игнатиус и достал из рюкзака камеру. – Да будет вам известно, любой комплект наших салфеток включает шесть вариантов рисунка.

– Да что ты говоришь, – сказала я.

– Да-да. Хотя один прием пищи в среднем накрывается на 3,76 человек, так что можно понять, если вы думаете, что четырех бы вполне хватило. Но нет. Ужин на шестерых – довольно распространенное явление, и, проведя исследование рынка с привлечением разных фокус-групп, мы установили, что в то время как повторяющийся рисунок в компаниях больше шести вполне приемлем, в компаниях меньше шести это отнюдь не так. Отсюда – шесть рисунков. Хитро, а?

– Где тут ближайший сомнабуворус? – поинтересовалась принцесса. – Хочу броситься под него.

– Ближайший кто?

– Никто, – ответила я. – Лора, хватит дразнить оборотов.

– Слушаюсь, хозяйка, – сказала принцесса и сделала лучшую на сегодня попытку реверанса. Чтобы

не говорить больше о салфетках, мы примкнули к толпе туристов, расхаживавших вдоль одной из кормушек. Фермер вел рассказ:

– ...Слизневые секреты – они же слизь – могут использоваться в самых разнообразных производствах, от мясных маринадов и отшелушивающих кремов до растворителя краски и аккумуляторной кислоты. При поддержании оптимального уровня влажности взрослый слизень источает до галлона секретов в день. Вопросы есть, или сразу перейдем к кормлению?

Один турист поднял руку:

– Правда ли, что обогащенная слизь входит в состав секретного химического оружия императора Тарва?

– Все это голословные бездоказательные предположения, – ответил фермер. – Но зная Тарва – почти наверняка да.

– А подраться с ними можно? – спросил глуповатого вида молодой человек, который оказался Кертисом.

– Тут вам не цирк, – ответил фермер сердито, – тут ферма. Хотите драться – ступайте в официальный клуб бойцовых слизней. А лучше просто *найдите* слизня. Они спят в первой половине дня, обычно в тенечке на влажных известняках. Еще вопросы? Нет? Тогда давайте кормить зверушек.

Фермер объяснил, как содержание разумных слизней в неволе лишает их возможности самостоятельно охотиться за добычей, поэтому перед ужином их заставляют выполнять трюки. В течение пяти минут мы наблюдали, как под жиденькие аплодисменты слизи жонглируют мячиками на рожках, разыгрывают сносную партию «пивной

польки» в полифонии, синхронно кувыркаются задом наперед в сальто. Под занавес представления в кормушку к дюжине слизняков опустили целую свиную тушу. Тридцать секунд времени – и туша была уничтожена. Слизни набросились на еду с такой безудержной энергией, что к концу обеда, когда от свиньи остался один скелет, слизней насчитывалось уже десять.

– Такое бывает, – произнес фермер с грустью.

Экскурсия подошла к концу. Я прикупила отшелушивающий крем для ног Матушке Зенобии, принцесса подписала открытку родителям, и мы ушли с фермы.

– Жалко, что никого не съели, – заметил Игнатиус, когда мы подходили к стоянке. – Никому даже ногу не откусили. Я разочарован.

– Надо сначала намазаться жиром, и тогда спокойно можно с ними драться, – сказал Кертис, вслух читая буклет, – и выиграть призовой фонд.

– Съели кого-нибудь? – спросила Эдди, когда мы расселись по своим местам.

– Никого даже не покусали. Жуткая невезуха, – проворчал Игнатиус. – Ральф, чувак, что с тобой? Как-то ты... странно выглядишь.

– Все нормально, – ответил Ральф, который действительно выглядел странно, как будто охмелевшим. – Это из-за высоты. Со мной все в порядке.

– Что ты с ним сделала? – спросила я Эдди, взявшись за руль.

– И пальцем не тронула, – ответила она. – Я отошла в туалет, а когда вернулась, он уже весь вспотел и бормотал что-то про анчоусы.

– Мулий грипп? – предположила я.

– Скорее всего просто нервы перед Пустой Четвертиной.

Я бросила еще один взгляд на Ральфа. Он как будто немного расслабился, хотя его зрачки то сужались, то расширялись по несколько раз в секунду.

Так мы ехали еще полчаса, пока не оказались у уснувших межевых камней, отмечающих границы бывших Драконьих Земель. На них висел большой, хорошо пожеванный знак:

ОПАСНОСТЬ!

Пустая Четвертина

Или в оба бди – или с места не сходи

Пустая Четвертина

Пустая Четвертина до буквы соответствует своему названию. Она занимает ровно четверть Кембрийской Империи, и она, представьте себе, пустая. Это невозделанный простор, зона более-менее квадратной формы и сорока миль в поперечнике. Нет на свете такого психа, который захотел бы тут жить, и Пустая Четвертина так и оставалась тысячью акрами колючих трав, болотных топей, узловатых дубов и редких смоляных ям.

Мы въехали в ее пределы, исполненные трепета и предвкушения, но единственным ярким событием за целых полчаса езды оказалось стадо базонджи, протоптавшее вдалеке, да промелькнувший мельком

пружинистый хвост барсука-снорка. Мы встретили несколько автомобилей, возвращавшихся с незадавшейся охоты на тральфамозавра, и еще нас обогнали два гнавших по обочине мотоциклиста. Их мы потом нагнали. Ну то есть как «нагнали»: через три мили мы нашли их раскуроченные мотоциклы, а ездовых не было и следа.

Кертис спросил, что могло с ними случиться, и Эдди ответила:

– Этого скорее всего так никто никогда и не узнает. Здесь постоянно пропадают без вести, и найти удается только половину. Свидетельства о смерти в наших краях имеют специальную клеточку с пометкой «Летальный исход вследствие неустановленной смертельной опасности». Напротив нее галочку ставят чаще других.

– Хорошее место, чтобы убить неприятного тебе типа и выйти сухим из воды, – произнес Кертис задумчиво.

– Наверняка и такое бывало тут не раз, – сказала Эдди. – Но справедливость имеет свойство восстанавливаться естественным путем.

А мы все ехали. Дважды нам встретились вооруженные разбойники, которые, как ни странно, ничуть не обеспокоили Эдди. Он бросила один взгляд на их одежды и общее поведение, велела мне ехать своей дорогой и не обращать на них внимания, что я и сделала без всяких происшествий. Но третья засада, видимо, чем-то отличалась, потому что Эдди сказала мне тормозить.

– Это разбойники – Олдвикцы, – объяснила Эдди, – и они *гораздо* опаснее. Между нашими с ними

племенами недавно вышло одно недоразумение, и в отношениях сейчас сложный период.

– Насколько недавно? – спросил Перкинс.

– Три века назад. Говорить буду я.

Мы остановились на обочине, и к машине вразвалочку приблизились трое вооруженных мужчин. Одеты они были в традиционный костюм Олдвикцев: шерстяные твидовые пиджаки, кожаные сапоги и кепки. Как и у Эдди, комбинации сложных татуировок на их лицах сообщали об их семье, статусе и обязательствах. Вооружены они были старинными орудиями, на груди крест-накрест висели идентичные патронташи. И судя по всему, сегодня мы были не первыми их жертвами: один пленник у них уже был. Потупив взгляд, он сидел на камушке неподалеку от базонджи, которые нетерпеливо вытаптывали землю.

– Эдди, здравствуй, – радушно приветствовал ее первый разбойник. – Как оно на туристическом поприще?

– Неплохо, Гарет, неплохо, – ответила она. – Почти месяц никого не теряли. Как оно в киднеппинге?

– Да фигово, сказать по правде. Так раскрутились, что теперь ни одна знаменитость не приедет без телохранителя и килотонны оружия.

– Да уж, поганые нынче времена – никакого доверия. Пропустишь нас?

– Посмотрим. Рис, проверь-ка их.

Другой разбойник стал рассматривать нас, сверяясь с потрепанной книжицей «Справочник похищаемых персон Мюллера». Мне удалось подглядеть, что этому изданию было больше трех лет. В переиздание следующего года наверняка попаду и я.

Хорошо еще, что принцессу, которая уж точно упомянута в справочнике, он ни за что не узнает. Рис пристально вглядывался в каждого из нас по очереди, потом повернулся к Гарету и покачал головой. Но Гарету этого показалось мало.

– Есть кто среди вас, о ком мне положено знать? – спросил он.

Эдди переменила позу – теперь ее рука лежала на кинжале. Гарет заметил и тоже переменил позу. Все это не скрылось от его товарищей, умудренных давним опытом. Я даже услышала щелчок крючка безопасности. Напряжение в воздухе выросло донельзя. В мягком голоске Эдди звучала угроза, когда она сказала:

– Понимаешь, какое дело, Гарет. Если ты спрашиваешь, есть ли в моей группе кто-то, достойный похищения, то я буду морально обязана ответить. Тогда ты попросишь выдать тебе этого человека, а я отвечу, что пойду на такое только через мой труп. Между нашими племенами тянется кровавая междоусобица, но сейчас наш черед убивать кого-то из ваших, и если ты убьешь меня, выйдет, что Олдвикцы убили двух Силуров подряд, и это развяжет *настоящую* войну между нами, до последнего выжившего. Ты этого хочешь?

Пока они стояли так и сверлили друг друга грозными взглядами, произошло нечто необъяснимое. Ни с того ни с сего Ральф начал светиться бледным желтым свечением, а потом воспарил и поднялся на пару футов над нашим броневиком. Все взгляды тут же устремились на него.

– Вы только полюбуйтесь, – протянул Гарет с улыбкой. – Да у них тут *колдун*. За них щедро платят. Хватайте его, парни.

Разбойники вышли вперед. Мы с Перкинсом переглянулись.

– Ральф не может быть колдуном, – шепотом сказала я. – Мы знаем всех колдунов.

Светящегося Ральфа вытащили из машины, придерживая его за шнурки, как шарик на ветру. Он глупо захихикал и залепетал что-то о верблюдах, а потом из его ушей посыпались яркие искры. Никто не сводил с него глаз. Он посинел, покраснел, позеленел, потом отрыгнул большой прозрачный пузырь, который лопнул, разлетевшись стаей разноцветных бабочек.

Игнатиус и Кертис, видя положение Ральфа, сами глупо хихикали. Я наблюдала за их реакцией, когда мне в голову пришла ужасная мысль.

– Перкинс! Когда мы уходили смотреть на слизней, ты, случайно, свою сумку в машине не оставлял?

Перкинс поспешно открыл чемодан, в котором должны были находиться все его зелья, мази и одноразовые чары, записанные на листочках рисовой бумаги. Как я и боялась, там было пусто. Не только Кертис, но, похоже, и Ральф питал слабость к злоупотреблению магией и, найдя бесхозные вещества, использовал все до единого.

Сейчас Ральф начал растягиваться и загибаться в причудливые формы, как будто внутри его сидела лошадка и пыталась выбраться наружу. Никогда не видела передозировки магией воочию, но слыхала про такие случаи. Тех, кому везло, выворачивало наизнанку, а потом они умирали мучительной

смертью. Те, кому не везло, оставались наизнанку *навечно*.

– Кончай придуриваться, – сказал Гарет Ральфу, который продолжал витать в воздухе и теперь еще претерпевал стремительные метаморфозы, превращаясь то в пианино, то в моржа, то в шкаф, то во всех по-новой. – А ну *немедленно* спускайся на землю.

Ральф, как можно было догадаться, не послушался. Перкинс чертыхнулся и стукнул кулаком по машине.

– Это моя вина.

– Ничего подобного, – сказала принцесса. – Это он облажался – ему теперь и расхлебывать, раз уж он такой debil, что проглотил целую пачку неизвестных чар.

Я посмотрела на Перкинса, и он посмотрел на меня в ответ. Перкинс вздохнул. С овладением Мистическими Искусствами приходит и известная... *ответственность*.

Он встал.

– Вам нужен я, – объявил он Гарету. – А у этого чудилы симптомы острого магического отравления. Делайте со мной что хотите, но ему нужно срочно оказать помощь, пока он не лопнул.

Ральф отреагировал тем, что вырвался из рук захватчиков и, бляя овцой, стал вытворять в воздухе кульбиты, на мгновение превратился в тигра и обратно, не прекращая ни на секунду истерически подхихикивать. А Игнатиус и Кергис гоготали во все горло, подзуживали его, и даже некоторые разбойники начали веселиться. Но тут нога Ральфа стала стремительно увеличиваться, пока не выросла

вчетверо, разорвав на нем ботинок. В нас полетели ошметки шнурков, язычков, задников и носов. Больше никто не смеялся.

– Ну, давай тогда, – разрешил Гарет.

Перкинс направил на Ральфа указательные пальцы и сосредоточился. Накладывать стандартную отмену заклинаний Магнафлекс сейчас было бы слишком рискованно, учитывая, что в теле Ральфа протекали процессы тридцати-сорока разных чар. Нет, Перкинс хотел провернуть кое-что другое, и я вскоре догадалась что: альфу и омегу всех реверсивных заклинаний, редко используемую, высасывающую из колдуна все соки и безмерно опасную Глобальную Генетическую Перезагрузку.

Когда голова Ральфа распухла вдвое больше обычного, он прекратил хихикать. Потом голова его снова уменьшилась, а грудная клетка, занятно подрагивая кожей, поменялась местами со спиной. Зрелище было куда более неприятное, чем кажется на словах. Даже Игнатиус с Кертисом скривились.

Ральф завопил от боли. Не так, как будто ему наступили на палец, а скорее как будто выбили коленную чашечку – вот такой боли, только с помноженными на семь родами в придачу и еще зубной инфекцией за компанию. Одним словом, молитесь, чтобы вам никогда не довелось испытать такую боль на себе.

Пока он выл, его ухо дрейфовало по лицу со звуком рвущейся ткани, а фаланги пальцев оторвались и посыпались на нас, чудовищным рикошетом разбив зеркало заднего вида и вынудив двух разбойников пригнуться.

И Перкинс наконец выпустил заклинание.

Из его пальцев вырвался поток энергии, и Ральф исторг комок холодного огня, который стал увеличиваться, пока не вырос в тридцатифутовый шар. Шар застыл, позволяя нам оценить это волшебное зрелище в потрескивающем свете, а затем стремительно схлопнулся в плотный клубок света, облепившего орущего Ральфа, пока не исчез вовсе, забирая с собой последние искры яркого света. Что-то прогремело вдали и стихло. Ральфа, которого мы знали, больше не было.

Это австралопитек

– Куда делся Ральф? – спросил Игнатиус. – И кто это?

Он разглядывал низкорослого, не выше четырех футов, волосатого, обезьяноподобного человека. У него было блиноподобное лицо и сильно выпирающие вперед челюсти. Сутуловатый, с длинными руками и ногами, человек был совершенно гол и поглядывал на нас исподлобья. Перкинс без сил тяжко опустился на сиденье.

– Это – австралопитек Ральф, – ответила я. – То, что сделал Перкинс, называется Глобальной Генетической Перезагрузкой. Единственным способом вывести Ральфа из-под влияния стольких чар, было дочиста выскрести из него все, что делало Ральфа – Ральфом. И так как Ральф является человеком, перезагрузка вернула его в предшествующее этому виду состояние и сделала его *до-человеком*, из которого в конечном итоге получится сам Ральф.

Кертис с возмущением уставился на Перкинса.

– Ты превратил Ральфа в пещерного человека?

– Или так, – пробормотал Перкинс, прикрыв глаза от усталости после проделанных трудов, – или перезапустить его на дефолтных настройках кролика. Честное слово, лучше уж австралопитеком. Так он хотя бы может эволюционировать обратно в человека. А кролик – он и есть кролик.

– Эволюционировать обратно? Какое облегчение, – сказал Игнатиус. – А то я обещал его маме, что верну его домой к концу недели.

Мы с Перкинсом переглянулись.

– На это уйдет чуть больше недели, – сказала я.

– Ну, наверное, мы могли бы поддержать его в комнате для гостей, что ли. Насколько больше?

– Миллион шестьсот тысяч лет плюс минус. Мне жаль это говорить, но остаток жизни Ральфу придется провести в виде примитивной версии человека. Он по-прежнему Ральф, только с допотопным набором навыков, слабо развитой мозговой деятельностью и специфическими привычками. Но он сможет научиться говорить отдельные слова и даже держать ложку.

– У-ук, – сказал Ральф, поглядывая на нас маленькими темными глазками. Даже в таком виде он оставался похож на прежнего Ральфа, только был ниже его ростом, шерстистее и допотопнее.

Кертис сделал угрожающий шаг вперед.

– Сейчас же верни его обратно, ты, фокусник хренов! Поверить не могу. Ты превратил моего лучшего друга в пещерного человека?

Самое время было Перкинсу разозлиться в ответ, но он не мог. Во-первых, он был выжат как лимон, а во-вторых, это было не в его характере. Это было в моем характере.

– А ну-ка слушай сюда, дурья башка, – процедила я сквозь зубы, тыча Кертиса пальцем в грудь. – Ральфа, которого ты знал, больше нет. И ни на минуту не забывай, что Перкинс его и не должен был спасать. Но он спас и отдал часть своей жизни для этого. Да-да, идиот. Ничего не замечаешь необычного в Перкинсе? Да он постарел лет на десять. Он отдал эти годы, чтобы спасти жизнь твоему тупому дружку, так что в следующий раз, когда ты раззявишь свою варежку, надеюсь услышать оттуда: «Спасибо, мистер Перкинс, мы не заслужили такой милости», я понятно выражаюсь?

Кертис с Игнатиусом нахмурились и с любопытством посмотрели на Перкинса. Если приглядеться, становилось очевидно, что он действительно постарел. Несколько минут назад Перкинс был прыщавым восемнадцатилетним юнцом, а сейчас стал привлекательным мужчиной под тридцать. Глобальная Генетическая Перезагрузка пожирает массу магической энергии, и если ее нет в окружающей среде, магу приходится черпать ее из единственного доступного источника – из собственных жизненных соков. Магия – это форма эмоциональной энергии, связующей все живое изнутри, и поскольку вся жизнь – едина, мы все – часть одного общего магического тока. *Жизнь есть магия, и магия есть жизнь.* Но теория теорией, а факт оставался фактом: Перкинс отдал десять лет

собственной жизни ради человека, которого он и не знал, и недолюбливал.

Игнатиус и Кертис молча и (надеюсь) пристыженно переглянулись. Гарет и его разбойники, которые смотрели на весь этот цирк со смесью любопытства и отвращения, решили, что с них хватит.

– Хорош, – сказал Гарет. – Опусты пальцы, волшебник, и не смей сопротивляться.

У Перкинса все равно не было на это сил. Его оперативно стащили с броневика и усадили на землю. Гарет изучил его документы, и все окончательно удостоверились, что его точно нужно похищать. Тем временем к моему окну подошла Эдди.

– Могла бы и предупредить, что среди вас есть волшебник, – сказала она.

– Я еще много чего тебе не говорила.

– Например.

– Например, что мы ищем Око Золтара. Наш знакомый в Ллангериге – это Эйбл Квиззлер, и он считает, что между Оком Золтара и Небесной Пираткой Вольфф есть связь.

Эдди вздохнула.

– Ничего не знаю про Эйбла Квиззлера, но Небесную Пиратку Вольфф никто не видел уже много лет, если вообще когда-либо видел, а легенда о Кладбище Левиафанов – всего лишь легенда.

– Все равно, – сказала я. – Мне нужно все проверить.

Посмотрев на мое лицо, Эдди поняла, что настроена я решительно.

– Тебе, видно, позарез нужно это Око, Дженни, раз ты готова верить в сказки и гоняться за мифами по всей Кембрии.

– Если я не найду эту штуку, самый могущественный волшебник на свете убьет наших драконов, а мы от безысходности будем пытаться их защитить своими силами.

– А среди этих драконов, случайно, нет такого резинового, про которого ты еще говорила, что тебе ничего не известно?

– Не исключено.

– Потрясающе. Еще сюрпризы будут?

Я подумала про принцессу.

– Будет кое-что... В следующей серии. Если ты не откажешься быть нашим гидом.

– Конечно, нет, – сказала Эдди. – Самонадеянные туристы и погони за сомнительными мифами – это не просто мой хлеб с маслом, это еще и жутко увлекательно. Уверена, что ничего ты не найдешь, но все равно постараюсь помочь.

Я сказала ей, что очень благодарна за это, но тут мое внимание привлекли слова одного из разбойников, Риса.

– Сколько мы сможем за него выручить?

– Не будем его продавать, – заявил Гарет. – Преподнесем его в дар.

Двое разбойников застыли и неуверенно посмотрели на Гарета.

– *Императору*, – продолжал тот. – Его Тираническое Величество щедро вознаградит нас за такое ценное поднесение.

Разбойники охотно закивали, а у меня душа ушла в пятки. Конечно, императору придется по душе такой подарок. Маги ему сейчас ох как пригодятся, хотя бы затем, чтобы вести для него разработки мощного Термомагического Прибора, который будет представлять угрозу для всех соседних государств. Что и говорить, паршивая перспектива.

– Нам пора, – тихо сказала Эдди, – пока Гарет не затребовал и броневик в придачу.

– Ни за что. Я не могу бросить Перкинса.

– У тебя нет выбора. Или ты думаешь, что сможешь перебить их всех и успеешь свалить из страны прежде, чем тебя нагонят их соплеменники?

– У меня есть... дракон, – сказала я. – Он, конечно, резиновый, но вот-вот должен превратиться обратно.

– Даже *если* он превратится и *если* он прилетит, будет ли он готов убить троих ради Перкинса?

Я подумала о непробиваемом пацифизме Колина.

– Наверное, нет. Но у него устрашающий вид – когти, клыки, шипы на хвосте, огонь из пасти, вот это вот все.

– Может, там, откуда вы родом, такое и наводит страх. Но на нашей земле столько омерзительных, извивающихся, хлюпающих, летучих и ползучих тварей, что дракон рядом с ними вообще не страшен. Так, максимум на двоечку. Для сравнения тральфамозавр – это пятерка, а моя бабуля – восьмерка.

– Какая у тебя интересная бабуля, – заметила я.

– Как-то раз она сожрала живую гончую, – сказала Эдди. – Вот это было действительно интересно, особенно во время свадебной церемонии.

– Представляю, как отреагировали жених и невеста.
– Она сама была невестой. Думаю, так она хотела что-то доказать своим свекрам.

Принцесса скорчила гримасу.

– Вот так доказательство.

– Но должны же мы как-то помочь Перкинсу, – не сдавалась я. – Он наш очень хороший друг, и он мне *очень* нравится.

Эдди пожала плечами.

– Мы же не на смерть его посылаем. Встретитесь еще, честное слово.

– Я боюсь, император Тарв возобновит разработки термомагического оружия, если у него появится личный маг.

Эдди обдумала мои слова.

– Ты права, – согласилась она. – Это будет вопиющей катастрофой. Подожди-ка.

Похлопав меня по плечу, она отошла к разбойникам, которые поздравляли друг друга с такой наживой.

– Сколько за этого? – спросила она, указывая не на Перкинса, а на их предыдущего пленника.

– Что, Эдди, примериваешься к карьере в киднеппинге?

– Заработок у гидов уже не тот, что раньше.

Гарет подумал над этим и кивнул. Нагнувшись друг к другу, они начали торговаться, и через пару минут Эдди вернулась к нам в сопровождении их первой жертвы. Это был мужчина лет шестидесяти с лишним, одетый в твидовый пиджак и брюки-гольф. У него было добродушное лицо и пышные усы, и

складывалось впечатление, что он не спал в нормальной кровати не меньше недели.

– Это мистер Уилсон, – сказала Эдди, – а мы уезжаем.

Нам не нужно было повторять дважды, и все быстренько расселись по местам.

Я тихо спросила у Эдди:

– Зачем ты его выкупила?

– У меня есть идея, как вернуть твоего Перкинса, и мне не нужны свидетели.

Я уставилась на нее, пытаюсь понять, шутит она или нет. Нет, не шутит. Эдди кивнула в сторону разбойников, которые собирались уезжать.

– Вам пора прощаться.

Я подошла к Перкинсу.

– Привет, – сказала я. – Как себя чувствуешь?

– Так себе, – ответил он. – Они хотят подарить меня императору. Меня раньше никогда никому не дарили.

Я нагнулась к нему, поцеловала в щеку и, пользуясь случаем, прошептала:

– Верь нам. С тобой все будет в порядке.

Разбойники усадили Перкинса на свободного базонджи, и скоро вся их компания скрылись из виду в пыльном облаке. Проводив их взглядом, я вернулась к броневнику. Можете себе представить, каково было у меня на сердце в эту минуту. Перкинс был мне практически бойфрендом, несмотря на свежую разницу в возрасте, и я не хотела его терять. Я посмотрела на часы. В семь нужно будет связаться с Тайгером по ракушке и сообщить о случившемся. Или Мубин, или леди Моугон наверняка придумают выход.

Клаеруэн

– Добрый день, – сказал наш новый спутник, как только мы снова двинулись в путь. – Можно без «мистера», Уилсона вполне достаточно. Я – орнитолог.

– Кто? – переспросил Кертис.

– Он изучает птиц, – объяснила принцесса.

– Вы разве не слышали, – бесцеремонно рассмеялся Кертис, – в Империи не осталось птиц.

– Отчего радость от наблюдения за ними многократно возрастает, – сказал Уилсон. – Только представьте себе, какой это восторг: обнаруживать птиц там, где их нет. Восхитительно.

– Ну вы и псих, – фыркнул Кертис.

– Как грубо, – беззлобно отозвался Уилсон. – А кто будет ваш волосатый приятель, и в курсе ли он, что его причинное место у всех на виду?

– Это Ральф, – сказала я. – И мне кажется, ему все равно.

– У-ук, – подал голос Ральф, как бы соглашаясь.

– Орнитолог, говорите? – переспросила я, возвращаясь к предыдущей теме.

– Я потому так легко и сторговалась за его выкуп, – сказала Эдди. – Гарет принял *орнитолога* за *антолога*. Люди прикладных профессий, владеющие искусством составления поэтических сборников, это доходный товар, который легко сбыть, тогда как любители птиц только едят за твой счет и приговаривают: «О, остановите машину, кажется, я вижу пеструю гузотряску».

– Где? – встрепенулся Уилсон, не сообразив, что это было сказано для красного словца. – Вот ведь какая

ирония, – добавил он. – Я ведь еще и антолог по совместительству. Только меня об этом не спросили, ну и я не стал рассказывать. А вам я, кстати, очень благодарен. В знак признательности я расскажу вам сейчас о небесном коньке. Эта птица размером с воробья обладает плотностью, сравнимой с плотностью гелия, и вьет гнезда на восходящих потоках воздуха...

– Скука, – сказал Кертис.

– Опять грубо, – ответил Уилсон.

– Куда вы направляетесь? – спросила я.

– Сейчас – туда. – Он махнул рукой по направлению движения. – У меня нет четких планов. А вы?

– В Ллангериг, – ответила я. – А оттуда, если все сложится, на Кадер Идрис.

– Смотреть на левиафанов? – спросил он восторженно.

– Очень может быть.

– Я рад присоединиться. Они не совсем, конечно, птицы, но тоже с крыльями, и их брачные ритуалы до сих пор не изучены...

– У нас пятидесятипроцентный фактор риска, – предупредила я. – И пока что все мы живы, так что математически вы очень рискуете.

– А я все равно присоединюсь, – сказал Уилсон, широко улыбаясь. – Говорят, левиафаны – это абсолютное загляденье.

За следующий час не произошло ничего примечательного. Мы миновали узкое ущелье, где пришлось заплатить оскорбительно маленькую сумму двум мелкокалиберным разбойникам за право продолжить путь, и выехали к озеру Клаеруэн, которое

на самом деле было громадным водохранилищем, уютно угнездившимся в самом сердце Четвертины. Мы проехали около мили вдоль его берегов, пока не увидели лагерь – типичная туристическая стоянка, который был разбит по всему региону специально для усталых путников, жаждавших устроиться на ночлег, где их ничто не потревожит.

Мы вкатили в пустынный лагерь и припарковались рядом с останками давно заброшенных бронированных автомобилей, и Эдди сказала:

– Значит, так. Здесь мы устроим привал и заночуем. Знаю, что время детское, но завтра нас ждет долгий день, если мы хотим успеть в Ллангериг до темноты.

Мы вылезли из броневики и любовались озером, которое было не меньше мили в ширину.

– Оно же идеально... круглое, – сказал Кертис.

– Я читал в «Конспиралогическом Теоритике», что здешние озера на самом деле кратеры, оставшиеся после испытаний сверхсекретного термомагического оружия в восьмидесятых, – поделился Игнатиус.

– Какого-какого оружия? – не понял Кертис.

– Это взрывы, детонирующие посредством магии, – объяснила я. – Обычно для этого берутся два несовместимых друг с другом заклинания, потому что они будут пытаться перебороть друг друга, постепенно наращивая силу своего воздействия. Если вовремя не заморозить этот процесс, заклинания или загасят друг друга, или засбоют и преодолеют кризисную точку, в результате чего произойдет мощный взрыв. В теории такие заклинания достаточно просто записать, а потом смотришь – и пара каракулей на салфетке уже стерла полгорода с лица земли.

– Последствия магических испытаний еще много лет давали о себе знать, – подхватила Эдди. – Каких только чудес тут не случилось: шаровые молнии, аппарации, левитации. Есть версия, что базонджи именно тут и возникли. Дескать, пони и окапи стояли слишком близко друг к другу на водоеме, мимо пролетело заклинание, вжух – и они слились вместе.

– Ого, – протянул Игнатиус. – Ну прямо как будто мы стоим рядом на испытательном полигоне оружия массового поражения или типа того.

– Не «типа того», – сказал Кертис. – Мы и так стоим на испытательном полигоне.

– Сейчас тут безопасно? – спросил Уилсон.

– Если не задерживаться надолго, – ответила Эдди. – Сорок восемь часов, не больше. Если заметите что-нибудь странное, бейте тревогу.

– Странное – в каком смысле? – спросил Кертис.

– Ну там железо спонтанно заржавеет, песок остекленеет, лишние пальцы на ногах вырастут – вы поймете, когда увидите.

– Наверде этого?

Кертис махнул рукой в сторону выстроенной на водоеме плотины. Там к свае тросами были привязаны три лодки, и все три болтались в воздухе, как воздушные шарики, которым только тросы мешали улететь в небо. Две лодки мягко стучались друг о друга на ветру, как перевернутые вверх тормашками поющие ветра.

– Да, – отозвалась Эдди, – именно навреде этого.

Мы осмотрели лагерь. Тут были столы для пикника, жаровни для барбекю и какие-то старые кожаные диваны. Я только хотела присесть, но Эдди меня

удержала. Она пару раз пнула диван, пока тот не поднялся и вразвалочку, как после сытного обеда, не уковылял в кусты.

– *Физарум икеа метаморфика*, – сказала Эдди. – Это такая особая слизь, которая принимает форму мебели. Не то чтобы опасно, но бесит. Поспишь на таком часов десять, и оно разъест на тебе всю одежду до нитки. Я видела в их «исполнении» карточные столы регентского периода, футоны, барные табуретки. Один образчик замаскировался под дизайнерский стул и даже попал на первый тур аукциона современной мебели.

– Опять магические последствия? – спросила принцесса.

– Они родимые. Потому-то здесь и нельзя оставаться дольше пары суток. А вот и ваши апартаменты на сегодня.

Эдди показала нам самый знаменательный атрибут лагеря – так называемые всячие бобы.

Они были придуманы специально вот для таких туристических стоянок, чтобы отдыхающие за ночь не стали добычей тральфамозавров, Хотаксов, барсуков-снорков и легиона плотоядных слизней. Персональная, похожая на большую фасолину, капсула для ночлега крепилась к верхушке тридцатифутового стального шеста, прочно вкопанного в землю. Забраться на сооружение можно было по лестнице, нижняя секция которой убиралась, чтобы с земли никто не мог подобраться к капсуле.

Кертис с Игнатиусом ушли собирать огневые ягоды, которые обеспечат нас теплом и светом, а Уилсон отправился рыскать по заброшенным магазинам. Мы

же с Эдди решили укрепить ограду по периметру стоянки.

– Думаешь, они не покалечатся, пока будут копать ягоды? – спросила я, памятуя, как легко взрываются при неосторожном обращении большие, капризные плоды, смахивающие на редьку.

– Да какая разница, – отозвалась Эдди. – Оберни-ка эту проволоку за вон тот столб, – попросила она.

Я послушно следовала ее указаниям, и вскоре периметр был укреплен – если можно назвать укреплениями консервные банки на проволоке.

Я спросила:

– И что нам делать, если жестянки зазвенят?

– Вопрос не в том «если», вопрос в том «когда», – ответила Эдди. – Надеюсь, к этому моменту мы уже займем свои места в бобах. Будем надеяться, что тральфамозавры не нагрянут. До нас не дотянутся, но будут чавкать с голодухи и не дадут уснуть.

Послышался негромкий *всхлоп* – загорелась первая ягода. За ней последовала череда глухих хлопков, пока загорались и другие плоды. Ребята сложили их в корзины и подвесили на шесты вместо фонарей. Вернувшись, мы с Эдди обнаружили, что Игнатиус соорудил навес, прикрепив к старому автомобилю кусок брезента и подперев двумя палками, и даже расставил несколько неслизевых стульев, чтобы всем было куда сесть.

Пока готовился ужин, Эдди отозвала меня в сторонку и тихо сказала:

– Мне нужно... отлучиться по делу. Ложитесь без меня. И убедись, чтобы все разошлись по своим бобам

до захода солнца. В крайнем случае – сразу, как зазвонит ограда.

Я сказала, что броневик хотелось бы оставить с нами, а она только улыбнулась в ответ, вложила два пальца в рот и беззвучно засвистела, заставив Ральфа скривиться. Послышался топот копыт, и в отдалении показался стремительно несущийся в нашу сторону аппалузский базонджи. Видимо, зверь следовал за нами весь день, но ухитрялся оставаться вне поля зрения. Он подгарцевал к Эдди, та угостила его морковкой, и он радостно вскинул морду. Она выпустила поводья из-под искусно сработанного седла и привычным движением вскочила в него.

– Если я не вернусь – значит, я умерла, и вы сами по себе.

– Не говорила бы ты так. Что у тебя на уме?

– Меньше знаешь – крепче спишь. Увидимся утром.

И она пулей умчалась в ночь, туда, откуда мы прибыли.

– Она такая крутая, – сказала принцесса. – Как думаешь, она согласится стать моей телохранительницей, когда я снова стану принцессой?

– Только. пожалуйста, не говори ей, что ты – принцесса. А то со всеми этими резиновыми драконами, мифическими амулетами, пиратами, левиафанами и похищенным парнем, с которым у меня теперь самую малость неуместная разница в возрасте, я исчерпала свой запас драм на сегодня.

Рассевшись вокруг костра, мы ждали, пока Уилсон приготовит ужин. Крупная огневая ягода, над которой колдовал Уилсон, в отличие от маленьких и ярких ягодок, горела ровным красноватым пламенем.

Свежеиспеченный австралопитек Ральф был заморожен.

Я взяла в ладони один из светящихся плодов, лучики которого пробивались сквозь мои пальцы.

– У-ук? – спросил Ральф.

Я вложила ягоду в его маленькие коричневые руки.

– У-ук? – повторил он.

Кертис и Игнатиус смотрели на своего бывшего друга со смесью ужаса и брезгливости.

– Мы не можем его показывать предкам в таком виде, – сказал Кертис. – К горшку не приучен, ходит в чем мать родила – обезьяна какая-то.

– Согласен, – подхватил Игнатиус. – Будет милосерднее выпустить его в лес, пусть природа возьмет свое. А семье можно сказать, что он утонул в болоте, или его слизни съели, что-нибудь такое.

– Или просто его *у-сы-тим*, – предложил Кертис.

– Вот это было бы гуманно.

– У-ук? – сказал Ральф, который с замешательством прислушивался к их разговору.

– Ого, – сказал Кертис. – Ну прям как будто оно нас понимает.

– Вы не можете отсесть чуть подальше? – попросила я эту парочку.

– Это еще зачем?

– Затем, что ваша бесчеловечность провоцирует у меня рвотные позывы.

– Да как скажешь, босс, – ехидно бросил Кертис.

А я добавила:

– А если тронете хоть волос на голове австралопитека, будете иметь дело со мной.

– Это мы так шутим, – сказал Кертис тоном, из которого было件нятно, что они не шутят. Но от нас они отсели. Ральф проводил их взглядом, но предпочел остаться с нами.

– Не нравится мне этот Кертис ни капельки, – сказала принцесса. – Постоянно пялится на мои этисамые. Нет, ну я понимаю, что они сейчас не королевские этисамые, и не защищены от любопытных глаз смертными приговорами, но все-таки, Лорины этисамые тоже этисамые, и нечего на них пялиться.

Я была согласна по всем пунктам, тем более что Кертис и мне оказывал подобные «знаки внимания».

– Можно я его убью? – попросила принцесса после паузы. – Папа в свое время заставил меня пройти курс по искусству тихого убийства на случай чего.

– На случай *чего*?

– Мало ли, – ответила принцесса. – Может, с нерадивым муженьком разобраться, чтобы взять власть над его королевством, например. Такое происходит чаще, чем ты думаешь, уж поверь мне на слово.

– Не проще ли сходить на консультацию к семейному психологу?

– И что, обсуждать мой проблемный брак с посторонними? Вот еще. Ну так что, убить его?

– Ни в коем случае. Нельзя убивать человека за то, что он посмотрел на твои «этисамые», хоть они королевские, хоть чьи, – я бросила взгляд на часы. – Потом продолжим. Мне нужно позвонить домой.

Разговор по ракушке

Мобильные ракушки лучше всего работают при открытой линии обзора, так что я поднялась на холм, где в траве валялся обглоданный остов давно погибшего тральфамозавра. Я села на череп животного, дождалась, когда стрелки покажут ровно семь, и приглушенным голосом сказала в створку раковины:

– Дженнифер вызывает базу «Казама», прием.

Из хрупкой раковины донесся свист, что-то щелкнуло несколько раз, запищало, но звуки были ужасно неразборчивые.

– Дженнифер вызывает базу «Казама», прием.

Услышав в ответ одни помехи, я попробовала снова:

– Тайгер, ты меня слышишь?

Снова писк, тихая трель, а потом раковина вдруг ожила.

– ...Проверка, проверка, раз, два, три... Работает эта штуковина или нет?

Голос Мубина. Я отозвалась, сообщила свои координаты и спросила, как идут дела.

– Алло? – снова позвал Мубин. – Дженнифер, ты меня слышишь?

– Слышу.

– Дженнифер, ты там?

– Я здесь.

Короче, было понятно, что если кто кого и не слышит, то это Мубин. Не удивлюсь, если это влияние термомагического полигона сказывалось на коммуникационных чарах. Мубин быстро сориентировался.

– Дженнифер, алло, я тебя не слышу, но, возможно, ты меня слышишь. Буду краток, потому что тут произошли некоторые перемены, и у нас небольшой аврал. Ничего серьезного, твое присутствие необязательно. Ищи Око Золтара и береги принцессу. Если ты меня сейчас слышишь, вышли нам улиткой сообщение о получении. Не забывай: не отпускай принцессу ни на шаг и найди все, что сможешь, на Око Золтара.

Он повторил сообщение дважды, но не стал уточнять, какие такие «перемены» у них произошли. Чуть погодя он прервал сеанс связи, и ракушка смолкла. Странно, что сейчас он просит меня найти Око, когда изначально был настроен против. Но волшебники – существа, мягко говоря, непредсказуемые. Я вынула блокнот из кармана и записала:

Вас слышала, ответить не могла – помехи на линии. Сегодня на Клаеруэне, завтра в Ллангериге, Перкинса похитили, Колин стал резиной, «Бугатти» конфисковали, у нас прекрасный гид. Что еще за «перемены»? Требую подробностей. Служанка цела. Погода хорошая. Дженнифер.

Проверив правописание, я сложила записку в несколько раз и прикрепила ее на бочок координаторной улитки. Я сняла с нее колпачок, дважды щелкнула по раковине, и улитка скрылась, оставив за собой только облачко пыли. До дома было около пятидесяти миль, значит, при средней скорости она доберется до места через час, если предположить, что она минует тяжелую пограничную артиллерию. В жизни не слышала, чтобы улитку что-то остановило –

будь то танк, или река, или минное поле, но кто их знает.

– Все живы? – спросила я, вернувшись на стоянку.

– Нам послышалось, что за оградой рыскал барсуконосок, – сказала принцесса. – А Игнатиус заметил поселение Хотаксов в паре миль отсюда.

– Где?

– Вот там.

Она махнула рукой в сторону озера, и я увидела покачивающийся на волнах островок из бревен и мха и струйку розоватого дымка, вьющегося над огневой ягодой. Хотаксы часто обустроивались на плотках, якобы ограждая себя от опасностей, хотя что в их понимании считалось опасностями, оставалось неясно, так как они и сами по себе были очень даже опасны.

– Кто, собственно, такие эти Хотаксы? – спросила принцесса, пока Уилсон накладывал общерис – походное блюдо из риса с добавлением всего остального.

– Примитивное варварское племя, – сказала я. – Речь развита на рудиментарном уровне, отсутствует современное понимание культуры... ах да, и они каннибалы со странной привычкой бальзамировать своих жертв после их кончины.

– Чтобы помочь им в долгом путешествии по загробной жизни? – спросила принцесса.

– Это было бы где-то даже уважительной причиной, но нет. Им просто это нравится. Хотаксов всех бы давно уже перебили, но император Тарв считает, что они благотворно влияют на экстремальный туризм. У

него у самого, по слухам, есть домашний Хотакс по кличке Найджел.

– Лучше бы я не спрашивала, – сказала принцесса и боязливо огляделась.

Общерис оказался очень хорош. Заварной крем и сардины в составе блюда явно пошли ему на пользу, и некоторое время мы молчали, сосредоточившись на еде. На десерт у нас был зефир. Мы с Уилсоном и принцессой вели оживленную беседу. Кертис и Игнатиус держались особняком, но за нитью их разговора проследить было несложно.

– А давай просто скажем его предкам, что он подхватил мулий грипп, – услышали мы слова Игнатиуса, и было совершенно очевидно, что они обсуждают Ральфа.

– Согласен, – сказал Кертис. – Только куда его поселить, когда он вернется домой? Может, нам удастся продать его в какой-нибудь цирк уродов? Хоть денюжат немного поднимем.

– Хорошая мысль, – одобрил Игнатиус.

– У-ук, – сказал Ральф.

Чем темнее становилось, тем сильнее росло общее беспокойство из-за ужасов, подстерегающих за оградой. Когда ночь окончательно опустилась на лагерь, разговоры велись уже не столько для того, чтобы скоротать время, сколько чтобы успокоить нервы.

Игнатиус извлек две колоды карт и предложил сыграть, но мы никак не могли прийти к согласию в выборе игры. Кто-то вспомнил, что у Эдди был с собой «Скрэббл», но мы решили, что некрасиво

копаться в чужих вещах, так что и эту идею мы отметили.

Наконец сошлись на том, что было бы неплохо послушать интересную историю. Но в рассказчики никто не напрашивался. Тогда мы взяли бутылку, уселись в круг, и я крутанула. Горлышко указало на Уилсона.

Рассказ военно-морского офицера

– Уф, – сказал Уилсон, – дайте-ка подумать. Я бы мог еще рассказать вам про желтого гелиевого чирчира, но вижу, не все здесь находят орнитологические вопросы достойными их внимания, – произнося эти слова, он посмотрел на Кертиса и Игнатиуса. – Лучше я расскажу вам об одном случае, произошедшем со мной сорок один год назад, когда я был еще зеленым двадцатидвухлетним офицером связи в левой рулевой рубке на Острове Уайт в дни Первой Войны Троллей.

Наша небольшая компания устроилась поудобнее и молчком прислушивалась к рассказу. Из всех государств Несоединенных Королевств Остров Уайт, работающий на паровой тяге, был единственным плавучим государством (болотистые регионы Норфолкского Герцогства – не в счет). Обычно он стоял пришвартованный на юге Англии рядышком с Те-Солентом, но Остров Уайт был пригоден для мореплавания и в мирные времена плавал в круизы к Азорским островам, спасаясь от долгих сырых зим Британского архипелага.

– Я окончил мореходное училище и к началу Первой Войны Троллей служил офицером связи в одной из двух рулевых рубок острова. В те времена островные двигатели и рулевые системы управлялись не напрямую из командного центра в носовой части острова, но группой мелких центров управления, которым отдавал приказы адмирал по телефонной связи. Моя работа как офицера связи заключалась в том, чтобы отвечать на головной телефон и передавать приказы рулевому капитану Робертсу. Робертс был из тех незаменимых моряков, благодаря которым Остров Уайт смог достичь своих высот как в мирное, так и в военное время.

Уилсон собрался с мыслями и продолжал:

– Это было утро первого наступления троллей. Неделей ранее мы встали у берегов Бордерландии под предлогом полномасштабных испытаний в Ирландском море. План же был такой: как только грянет война, мы пустимся ходить взад и вперед по побережью и стрелять бортовыми, отвлекая троллей от основного наступления кораблей с суши.

И вот мы шли, стремительно продвигаясь вперед к западным берегам Тролльвании на восемнадцати узлах, обстреливая троллей с двух миль от берегов, и со своей вышки мы видели далекие взрывы в лесных массивах Тролльвании. Тролли немного отстреливались в ответ, но без особого эффекта. Их осадные машины метали в нас камни, но они падали, не долетая, – мы шли далеко за пределами их зоны досягаемости.

Игнатиус спросил:

– А в море вы чувствуете скорость?

– Не особенно, – ответил Уилсон. – Когда ты идешь на полном ходу, то чувствуешь только далекий гул двигателей, видишь клубы черного дыма, валящие из топок, иногда вот, разве что, перемены в ходе солнца сбивают с толку, когда вы меняете направление.

Уилсон взял паузу и снова заговорил:

– И когда мы разворачивались, чтобы заходить на третий береговой проход, мы получили приказ подойти к берегам на 750 ярдов, чтобы разгромить позиции троллей точечными ударами из наших пушек.

– Вы не рисковали сесть на мель? – снова спросил Игнатиус.

– Воды были подробно описаны на диаграммах, – объяснил Уилсон, – а у острова, несмотря на наши габариты, осадка была небольшая, так что мы могли ходить почти вплотную к побережью.

Он собрался с мыслями и продолжил рассказывать:

– Поначалу результаты превосходили все ожидания. Благодаря хорошему обзору с главной наблюдательной вышки нам удавалось наносить точные удары по троллям и их осадным машинам. Но, увы, радость наша длилась недолго, потому что тролли нас перехитрили. Они специально не добрасывали свои снаряды до цели, чтобы мы решили, что находимся вне досягаемости. И теперь, когда им удалось подманить нас ближе, тролли обрушились на нас со всей своей мощью. Валуны размером с автомобилем и автобусы градом сыпались на нашу землю, выводя из строя береговые аккумуляторы, коммуникационные центры и в конце концов – наблюдательную вышку.

Стояла гробовая тишина. Уилсон сделал глоток воды.

– Ясное дело, как только началась бомбардировка, мы заметили, что двигатели заработали в полную мощность, и получили по телефону приказ «руль право на борт обоим поста́м». Мы недолго думая подчинились, но как только команда «руль на борт» совпала с полной моторной мощностью, остров начал крениться. Все в рубке, что не было прибито, покати́лось по полу. Карты сползли с планшетного стола, чайная тележка покати́лась, пока не переверну́лась у самой лестницы.

Рулевые налегли, и крен увеличился, таким образом, левый борт острова просел еще глубже, и левый винт налетел на подводный риф. Стофутовый винт заглох, а моторы все продолжали работать в полную силу, гребной вал перекорежило, как размокшую картонку, и в итоге один двигатель вышел из строя.

– Вы сразу об этом узнали? – спросила принцесса.

– Мы догадались, – сказал Уилсон. – Леденящий душу грохот сотряс весь остров. Мы резко упали на ровный киль, и ход замедлился, а отовсюду продолжали доноситься удары от летящих в нас булыжников, взрывая гробовую тишину на посту. Мы глядели друг на друга в ужасе от происходящего.

– Вспомнил, я что-то читал про это, – вставил Игнатиус. – Звучит жутко увлекательно.

– Скорее просто *жутко*, и дела грозили принять еще худший оборот. Метко пущенный булыжник разгромил правую рулевую рубку, связь была оборвана, и руль по правому борту так и лежал на левом борту. У нас не было одного двигателя, остался последний руль, и стратегия троллей была налицо:

курс, по которому мы шли, вел нас к берегам Тролльвани, где тролли возьмут нас на абордаж и разгромят с варварством, с которым они относятся ко всему людскому. Давать полный назад – не вариант, так остров причалит кормой вперед и выведет из строя второй двигатель, и все равно оставит нас на растерзание троллям. Единственным путем было обоим рулям взять право. Это значит, нужно повернуть оба руля – эффект будет нулевой, если один будет смотреть налево, другой направо.

Приказав нашему посту дать право руля, на случай, если и в нас попадет снаряд, рулевой капитан Робертс велел нам «оставаться строго на своих местах», невзирая на камни, сыпавшиеся все ближе к нашей рубке, а потом подозвал старпома, подлого карьериста офицера Трабшоу. «Слушай меня, Трабшоу, – сказал капитан Робертс, – тебе нужно добраться до второй рулевой рубки и переложить руль право на борт, что бы ни случилось. Лети как ветер, юнга».

Это был славный план, и это был единственный план, так как, если мы не успеем привести его в исполнение за полчаса, остров сядет на мель и тролли возьмут нас на абордаж. И тогда все будет кончено. Трабшоу едва успел отдать честь, как тяжеленный булыжник врезался в нашу рубку и сбил меня с ног. Когда я поднялся, ничего больше не осталось ни от Трабшоу, ни от других матросов, ни даже от самой рубки – вместо нее была одна груда руин из покоренной стали и разбитого стекла. Я хотел позвонить и сообщить о потерях, но связь была оборвана. Я подошел к капитану, в котором едва теплился дух – он был наполовину придавлен

стальной колонной. «Теперь дело за тобой, – сказал он мне. – Это приказ адмирала: право на борт оба руля, *любые помехи ликвидировать*».

В повисшей тишине принцесса спросила:

– Что это значит – «любые помехи ликвидировать»?

Уилсон ответил:

– Ровно то и значит, что мне было велено любой ценой исполнять приказ и не отклоняться от цели ни под каким предлогом. Это был самый важный приказ в моей жизни – самый важный приказ *в истории Острова Уайт* – и ничто не должно было встать у меня на пути. Все и вся были расходным материалом в процессе приведения приказа в силу. Если тролли ступят на остров, все будет потеряно, сотни тысяч островитян – съедены и поработаны.

– Ух ты, – протянул Игнатиус. – Это прямо как будто вы могли делать все, что угодно, или типа того.

– Не типа того, мой недалекий друг: я *мог* делать все, что угодно. Я сел в машину и быстрее ветра помчался к правой рулевой рубке на другом конце острова. Дважды дорогу мне преграждали развалины, и дважды мне приходилось бросать машину, перебираться через завал, конфисковать чужое авто и продвигаться дальше. Когда я добрался до рубки, вахту нес рулевой капитан Грегг с одним младшим офицером. Я сказал ему, что я с приказом от самого адмирала, а он посоветовал мне успокоиться, выйти и «зайти как следует», когда я приведу себя в подобающий вид для рапорта перед старшим по званию.

– Что это значит? – спросила я.

– Я потерял фуражку, – объяснил Уилсон, – и технически был одет не по уставу. Потом, у меня болталось оторванное ухо, о чем я, впрочем, не отдавал себе отчета в этот момент, и лицо было в крови. То еще, должно быть, было зрелище.

Я сказал рулевому капитану Греггу, что, если он не переложит руль на право борта, все будет потеряно, но капитан настаивал, что примет приказ только непосредственно от адмирала или от его подчиненных, и что он прикажет меня арестовать, если я не уйду.

– Вот кретин! – воскликнул Кертис. – А вы что?

– Я вынул служебный револьвер и застрелил его насмерть, не сходя с места. Его старпом попытался меня остановить – я выстрелил и в него.

Он снова замолчал, и я заметила, как заблестели его глаза от воспоминаний.

– Справедливости ради, – продолжал Уилсон, – рулевой капитан Грегг вполне возможно просто был в состоянии шока, а его старпом проявил похвальную лояльность. Что бы там ни было, за старшего офицера остался я, и я отдал команду: «Руль право на борт срочно!» – и с хрипами и криками снизу приказ был исполнен. Остров покачнулся, и уже через час мы плыли назад в безопасные воды открытого моря. Связь с обоими постами была восстановлена, и мы кое-как добрались до левого борта, которому требовался серьезный ремонт.

Остров Уайт, еще недавно прекраснейший судовой остров в мире, стал бледной тенью собственного великого прошлого. Тысяча семьсот человек погибло, мужчин и женщин, три пятые всех зданий были уничтожены бомбежкой. Девятнадцать лет после этого

мы не снимались с якоря, и с тех пор никогда не принимаем участия в Войнах Троллей.

– А что стало с вами? – спросил Кертис после паузы. – Вы же застрелили двух офицеров.

Уилсон переменился в лице. Он вздохнул и поник в плечах.

– Я открою вам один секрет, – проговорил он тихо. – Я был там, в этот судьбоносный день, но не я был тем офицером, который спас остров. Я рассказывал от первого лица, чтобы звучало увлекательнее. Нет, юношу, спасшего нас, звали Brent, он был моряком несравненной смекалки, мужества и железобетонной верности долгу. Теперь он лорд-адмирал Brent Коуз, обладатель самого длинного списка наград, какого знала наша страна.

Повисла пауза. Я спросила:

– Тогда что делали вы в тот день?

– Я был старпомом правой рулевой рубки. Это в меня стрелял связной офицер Brent. Мне нужно было взять управление после капитана Грегга на себя и самому отдать приказ переложить руль, но я не сделал этого. Я провалил свое испытание. Я подвел не только себя и свою команду, но и всех своих сограждан. Сгорая от стыда, я покинул Остров Уайт вскоре после этого и никогда не возвращался.

Уилсон замолчал, закончив свой рассказ, и впал в раздумье. Все сошлись во мнении, что это была отличная история, хоть и не его собственная, и мы решили снова вращать бутылку.

Уговор с Кертисом

На этот раз бутылка остановилась на принцессе.

– Отличненько, – воскликнула она, хлопнув в ладоши. – Я воспользуюсь этой возможностью и расскажу вам, как *конкретно* работает рынок финансовых фьючерсов.

– Уморительная, должно быть, история, – проворчал Кертис, но принцесса не обратила на его слова внимания.

– Главное, что нужно знать о фьючерсах, – это договор на поставку *конкретного* товара по *конкретной* цене в *конкретное* время в будущем...

– Вы это слышали? – спросил Игнатиус, вглядываясь в темноту.

– Ну уж нет, – строго сказала принцесса. – Я не позволю прерывать мой увлекательный рассказ о деривативах старыми фокусами с «вы это слышали».

– Я, кажется, тоже что-то слышала, – сказала я. – Как будто звон жестянок.

В следующую секунду мы вскочили на ноги и стали вглядываться в темноту. Нечто или пыталось пробраться к нам, или уже пробралось и было поблизости, наблюдая за нами из темноты.

– Что делать? – шепотом спросил Кертис.

– Разбегаться по своим бобам, – сказал Уилсон. – Лучше перебдеть, чем пойти на корм, как говорится.

Мы попятились к нашим заранее распределенным висячим бобам. И если предварительный разбор мест кажется вам ребячеством и пустым желанием покомандовать, то это вы зря. Такие нюансы вполне могут стоять кому-то жизни. Вот вы можете себе

представить шестнадцать паникующих туристов, которые всем скопом пытаются забраться на один и тот же шесток?

Поднявшись по шесту на пятнадцать футов вверх, можно было откинуть затвор и поднять за собой нижнюю часть лестницы, в которую было вмонтировано опускающееся грузило. Как видите, ужасы культивировались в Кембрийской Империи уже немало лет.

Мы медленно отступали к своим шестам, как вдруг раздался тихий треск, и что-то зашуршало в ближайших кустах. Воображая там барсука-снорка, Хотаксов и плотоядных слизней одновременно, мы бросились бежать со всех ног. Но вдруг я услышала крик принцессы и, обернувшись, увидела, как она катается по земле.

– Мое лицо! – кричала она. – Снимите это с меня!

Я соскочила с лестницы и бросилась к ней. Она хватала себя за лицо, и на ее руке виднелась блестящая дорожка слизи. Впрочем, для особи плотоядного слизня эта была совсем крошкой.

– Не шевелись адмирала ради, – сказал ей Уилсон, подоспевший к ней первым, – сейчас мы все уберем...

– Стойте! – крикнула я, и они оба замерли. Я оторвала ладони принцессы от ее лица и отцепила с ее щеки... координаторную улитку.

– Спокойствие, – сказала я. – Кажется, это адресовано мне. Но нам и правда пора расходиться на ночлег, пока настоящие чудища до нас не добрались.

Остальные, уже на полпути к своим капсулам, пробубнили что-то в знак согласия и продолжили

подъем, а мы с Уилсоном и принцессой постояли внизу.

Уилсон обратился к принцессе:

– Если с тобой все в порядке, я тоже пойду, пожалуй.

– Спасибо, – сказала принцесса и на секунду сжала его руку в своей.

– Это всего лишь улитка, – сказал Уилсон. – Ни чуточки не опасная.

А принцесса сказала в ответ:

– Но вы же этого не знали, когда бежали ко мне на помощь.

Он молча посмотрел на нас двоих, и в его глазах промелькнул печальный, смиренный взгляд.

– Если у меня есть малейшая возможность, я обязан прийти на помощь, – сказал он с грустью. – Один раз я не смог этого сделать. Такого больше не повторится.

– Вы поэтому здесь? – спросила я, начиная понимать, что Уилсон все-таки не птиц смотреть сюда приехал.

– У меня на родине мое имя навечно останется связано с трусостью и слабоволием. Я приехал сюда в поисках второго шанса – минуты экстремальной опасности, где мое участие может сыграть свою роль.

– Здесь вам это не должно составить труда, верно? – спросила я.

Уилсон ответил:

– Как бы не так. Просто спасти жизнь – мало. Мое искупление должно иметь далеко идущие последствия, так, чтобы много лет спустя кто-то мог сказать: «Если бы не Уилсон, все было бы потеряно».

Он вздохнул и пожелал нам спокойной ночи. Мы ответили ему тем же, после чего он проворно взобрался по шесту наверх.

– Я так перепугалась... Теперь чувствую себя дурой, – сказала принцесса понуро, вытирая платочком слезы со щеки. – Это так не по-королевски. Принцесса должна быть решительна и невозмутима перед лицом опасности. Из меня выйдет ужасная королева.

– Быть королевой – это целое искусство, – сказала я. – Со временем и ты ему обучишься. Здесь для этого самое место.

– Надеюсь, ты права, – вздохнула она и добавила после паузы: – Я была такая гордячка, когда мы только познакомились. Ты, наверное, считаешь меня последней засранкой.

– Не бери в голову. Мы с тобой обе – жертвы жребия, выпавшего нам при рождении: ты – принцесса, я – сирота. Но если хотим стать лучше, мы должны идти против течения.

– Разве *формально* я сейчас не сирота? Ну, пока не вернусь в свое собственное тело.

Я возразила:

– Личность определяет сознание, а не тело.

– Хм. Значит, все-таки принцесса. Что в записке?

Я развернула листок, прикрепленный на спину улитке, и разрешила принцессе читать у меня через плечо при свете ближайшей огневой ягоды.

Получили твою сбщ. Используй ЛЮБЫЕ РЕСУРСЫ, чтобы помочь Перкинсу и Колину. Если выйдет, буду ждать на ракушке завтра в 7. Происходит много всего, ничего хорошего. Не рискуй собой, береги

служанку, всенепременно продолжай поиски ОЗ. В Херефорде дождь, Тайгер передает привет. Мубин.

Я перечитала послание дважды, совершенно не понимая, к чему это и что все это значит. Дома явно творилось что-то недоброе, и над нашей миссией нависло ощущение какой-то безотлагательности.

– Он подчеркнул «любые ресурсы» и выделил заглавными буквами, – заметила принцесса. – Думаешь, это в том же смысле, что и «любые помехи игнорировать»?

– Похоже на то, – сказала я. – Если я правильно поняла Эдди, она собиралась действовать по такому же принципу, возвращаясь за Перкинсом. Хуже всего то, что, кажется, я сама ее об этом попросила, и, значит, вся вина будет на мне.

– И как ощущения?

– Безрадостные. Доброй ночи, миледи.

– Лора, – поправила принцесса. – Зови меня просто Лора.

Мы поднялись по своим шесткам, но, когда я забралась в свой боб, меня ждал очередной сюрприз. Я была не одна. Там меня поджидал Кертис, и он ухмылялся с уверенностью в собственной неотразимости. В высшей степени омерзительная ухмылочка. Вдобавок он разлегся на моей кровати в картинно-непринужденной позе.

– Надеюсь, у тебя есть уважительная причина валяться на моей постели, – сказала я.

– Ой, так это твоя? – хмыкнул он.

– Сам знаешь чья. Вали отсюда.

Улыбка соскользнула с его лица.

– Я думал, по-дружески договоримся, но как знаешь. Пусть тебя не смущает то, что я турист. Я первым делом деловой человек, и мое дело – во всем уметь увидеть деловую перспективу.

– Четыре раза ты сказал «дело» в этом предложении.

– При чем тут это?

– Тавтология.

– И что с того?

– Ухо режет. Это все равно как если бы я сказала: «Угораздило же меня так сыдиотничать, чтобы связаться с таким идиотским идиотом».

– Такая молодая, а уже такая язва.

– Неужели это так бросается в глаза?

Кертис нахмурился.

– Шутки кончились, – сказал он. – Я зачем, собственно, пришел. Сначала я думал, что ты просто приехала на каникулы, как мы, но потом задумался. Ты же Дженнифер Стрэндж, последняя Охотница на драконов. Ты руководишь «Казамом», с недавнего времени – единственным лицензированным Домом Волшебства в мире. Ты и личный придворный маг короля Снодд, и амбассадор драконов. Да ты, наверное, самая влиятельная личность в современной магической индустрии.

Я начинала нервничать. Я умею обращаться с придурками вроде Кертиса до тех пор, пока они остаются придурками – характер у меня скверный, и если меня раздражить, добра от меня не жди. Но когда придурки перестают придуриваться и начинают рассуждать здраво... Ситуация принципиально меняется.

– Не понимаю, к чему этот пересказ. Хочешь составить мне резюме?

– К тому, что как-то все это подозрительно: на груженом топливом броневике с самым тертым гидом Империи ты идешь на Кадер Идрис, якобы ищешь левиафанов.

– И что? Время от времени всем нужны каникулы.

– В компании служанки, которая, сдается мне, вовсе никакая не служанка, и нелегально въехавшего в страну волшебника, и резинового дракона? Это ведь квест, я угадал?

– Это *миссия*.

– Да нет. Эта ваша «миссия» пахнет многотрудными странствиями в поисках духовных откровений и высшей истины.

Вот черт, он нас раскусил.

– ...И если Международная Федерация Квестов прознает, что вы тут творите без соответствующих документов, у вас начнутся нешуточные проблемы, и не только с Федерацией – Кембрийским властям тоже не понравится, что на их территории кто-то проходит квесты без разрешения. Один звонок – и тебя загребут за решетку быстрее, чем успеешь сказать «шантаж», и придется тебе распрощаться со своим сокровищем.

Мы вперились друг в друга взглядами.

– Я хочу знать, за каким таким сокровищем вы охотитесь, – сказал он. – Это должно быть нечто *исключительной* ценности, не правда ли?

Долго думать над стратегией времени не было.

– Ни за что не скажу. Давай, звони в свою Федерацию, все равно ты ничего от меня не добьешься – только через мой труп.

Кертис вынул из кармана нож. Обычный раскладной ножик, который я могла без труда отнять и звездануть ему заодно, но сейчас мне было выгоднее не показывать своего преимущества. Кертис проворно схватил меня и приставил нож к горлу.

– Давай попробуем еще раз, – сказал он. – Что вы ищете?

– Иди к черту.

Я со всей силы наступила ему на ногу и стала разыгрывать сопротивление. Я уже была готова разжать его пальцы вокруг ножа и нанести свой удар, но намеренно упустила момент, и вскоре Кертис снова крепко взял меня в захват. Я вскрикнула, хотя было не так уж и больно. Нож был так близко, что я кожей чувствовала холодок лезвия. Кертис держал меня крепко, и я чувствовала его дыхание у себя в ухе. Вот так-то лучше. Кертис пребывал в твердой уверенности, что он сильнее и умнее. Именно этого я и добивалась. Потому что теперь, когда он снова сглупил, я точно знала, как себя с ним вести.

– Хорошо, хорошо, – взмолилась я. – Мы не ищем ничего сверхъестественного, честное слово. Нам нужны... зубы левиафана. Они часто требуются в заклинаниях. Мы сейчас пытаемся реанимировать мобильную телефонную сеть, а для этого требуется пара десятков зубов.

– Зубы левиафана?

– Да. Обычно мы извлекаем их из следов укусов на самолетных хвостах, но за последние шесть лет число атак очень снизилось.

Ясен пень, в истории про зубы не было ни слова правды. Их не использовали в колдовстве уже давным-

давно после скандала с побочным эффектом в виде выросших рогов в 1720-х, и уж точно они никаким боком не были нужны для ворожбы с мобильными телефонами. Впрочем, за самолетами левиафаны действительно гонялись, тут мне не пришлось кривить душой. Совсем как собаки за машинами.

– То есть без зубов левиафана телефонную сеть нельзя восстановить?

– Да, и не только это. Давай договоримся: ты никому не рассказываешь про наш квест и помогаешь нам искать Кладбище Левиафанов. Туда они приходят умирать. Если мы его обнаружим, то найдем там сотни тонн сухих костей, которые можно перерыть. Я вознагражу тебя за молчание и содействие: пять зубов левиафана можешь забрать себе и поступать с ними на свое усмотрение – продать, например. Уговор?

– Буду держать язык за зубами и помогу в поисках, – сказал Кертис. – За двадцать зубов.

– Десять, куда уж больше.

– Пятнадцать.

– Лады, – сказала я. – По рукам.

Кертис ослабил хватку и убрал нож от моего горла.

– Ну вот, *партнер*, – протянул он с жадным оскалом, – совсем другое дело. А эти зубы левиафана где-то у вершины Кадер Идрис, так, что ли?

– Так гласят легенды. Теперь ты знаешь все наши планы, так что можешь убираться к чертовой бабушке из моего боба.

– Да не вопрос. До завтра, Дженнифер.

Он улыбался в полной уверенности, что шутя заполучил ценный товар, не догадываясь, что на самом деле разменял все свои козыри на шестерки.

Кертис ушел, я закрыла дверцу на щеколду и только после этого позволила себе выдохнуть. Сейчас мне удалось от него отделаться, но стало очевидно, что он готов прибегать к насилию, чтобы заполучить желаемое, так что за ним нужен глаз да глаз. Зато если Эдди была права и он присоединился к нам только для того, чтобы выровнять баланс потерь, можно было надеяться, что он не станет откладывать это в долгий ящик и вскоре станет статистикой. Мне стало стыдно за то, что желаю ему скорой смерти, а потом неловко за то, что мне стыдно за то, что желаю ему скорой смерти. Эти мысли могли еще долго бегать по замкнутому кругу, поэтому я ущипнула себя, чтобы выйти из этого эмоционального тупика, и разложила на кровати спальный мешок.

Я лежала на спине, смотрела в ночное небо в окошко над головой и прислушивалась к звону у ограды, где ночные звери кружили вокруг стоянки. Дома были какие-то проблемы. Мубин настаивал на «любых ресурсах», чтобы вернуть Перкинса, и велел не отступаться от поисков Ока Золтара, хотя сам ведь считал это дурной затеей. Что-то тут было нечисто. Я думала и думала об этом, пока не забылась сном.